

УДК 009 + 39 (571.12)
DOI: 10.17223/22220836/38/22

Н.В. Лукина

ВКЛАД А. КАННИСТО И В.Н. ЧЕРНЕЦОВА В ЭТНОГРАФИЮ МАНСИ¹

В статье систематизированы сведения об экспедициях А. Каннисто (1901–1906) и В.Н. Чернецова (1925, 1926–1927, 1931, 1933–1934, 1935, 1936–1937, 1938, 1948) и об их публикациях по этнографии манси. Наиболее значимые труды: шеститомный свод фольклора (Каннисто); сказки и статьи о социальной организации манси и их представлениях о душе (Чернецов); статьи о медвежьем празднике и происхождении манси (Каннисто, Чернецов). На их основе автор рассматривает фольклорно-обрядовый аспект одного из значимых образов вещного ряда мансийской культуры. Ключевые слова: манси, Каннисто, Чернецов, экспедиции, публикации.

В статье ставится две задачи. Первая: краткое изложение биографии, общая характеристика экспедиций и публикаций финского ученого А. Каннисто и отечественного ученого В.Н. Чернецова. Оба ученых проявили себя в разных науках, но в предлагаемой работе рассматриваются их труды, относящиеся непосредственно к этнографии манси или содержащие этнографические сведения об этом народе. Вторая задача: на основе материалов А. Каннисто и В.Н. Чернецова рассмотреть фольклорно-обрядовый аспект вещи в мансийской культуре.

Биография

Юха Арттури Каннисто (1874–1943) родился в Кьльмэоски в семье крестьянина. После получения аттестата зрелости в 1893 г. он изучал в Хельсинкском университете финно-угорские языки, классическую филологию, фонетику, а также историю; в 1899 г. сдал кандидатский экзамен по философии. В 1919 г. стал лицензиатом философии, а в следующем году был назначен доцентом финно-угорского языкознания в Хельсинкском университете. Должность экстраординарного профессора по той же специальности он занимал с 1927 г. до конца жизни в 1943 г. Был председателем Финно-угорского общества в 1935–1943 гг. Свою научно-исследовательскую деятельность Каннисто начал в области финских диалектов. Настоящим делом всей жизни Каннисто стало изучение языка и культуры вогулов/манси. В качестве стипендиата Финно-угорского общества и Хельсинкского университета он совершил в 1901–1906 гг. многолетнее лингвистическое и этнографическое научное путешествие к вогулам.

Валерий Николаевич Чернецов (1905–1970), родился в Москве в семье архитектора. Работал в геодезической экспедиции на Северном Урале (1923–1925), где впервые познакомился с манси. Окончил этнографическое

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00329) «Интерпретация языковой и культурной истории народа манси: этнографические, фольклорные и лингвистические материалы архива В.Н. Чернецова».

отделение географического факультета Ленинградского университета (1930). Был научным сотрудником Института народов Севера (1930–1935) и одновременно преподавал в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена (1930–1932); работал научным сотрудником и руководителем отдела в Музее антропологии и этнографии / Кунсткамере (1935–1940). В 1940 г. вернулся в Москву и стал работать в Московском отделении Института истории материальной культуры, с 1941 по 1944 г. был заместителем заведующего. Позднее ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР, в нем Чернецов работал научным сотрудником и зав. отделом до конца жизни. В 1942 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в 1970 г. подготовил, но не успел защитить докторскую диссертацию. Был избран иностранным членом Финно-угорского общества в Хельсинки. Сбор полевых материалов среди манси Чернецов вел в период 1925–1948 гг. в ходе восьми экспедиций, организованных учреждениями, в которых он работал в соответствующие годы.

Экспедиции

А. Каннисто. Сведения о ходе и результатах научного путешествия Каннисто к манси содержатся в работе его ученика М. Лиимола [1. С. 148–156]. Родину Каннисто покинул 1 сентября 1901 г. Через Пермь, Тюмень и Тобольск он доехал до мест проживания манси – на р. Пелым. Здесь он пребывал с ноября 1901 г. до июня 1902 г. Отсюда Каннисто направился на р. Вагильск, где работал до августа. Затем в течение года вел сбор материала на Нижней, Средней и Верхней Лозьве – до августа 1903 г. Следующим районом для изучения манси стал бассейн р. Тавды: август 1903 – февраль 1904 г. В марте Каннисто на целый год переехал на Конду – до марта 1905 г. Затем последовала его поездка в Финляндию на отдых до конца июня 1905 г. Вторая часть научного путешествия Каннисто шла через Тобольск и Березово на Северную Сосьву. Здесь он работал в с. Сартынья с июля до конца 1905 г., а в январе – феврале 1906 г. совершил длительную поездку по территории проживания сосьвинских вогулов. После изучения всех основных вогульских диалектов Каннисто переехал в Туринский округ для проверки своих языковых материалов. Затем через Березово – Тобольск в начале июля прибыл на Пелым. Здесь он находился до ноября 1906 г., далее поехал на Конду для пополнения этнографической коллекции. После этого Каннисто направился в Тобольск и из него выехал на родину, куда прибыл 22 декабря 1906 г. Итак, научное путешествие Каннисто длилось пять лет и четыре месяца, это была самая длительная из всех известных экспедиций к обским уграм.

Программа полевой работы Каннисто была нацелена, в основном, на изучение языка вогулов / манси. Важным источником в достижении этой цели является фольклор, записи которого составляют преобладающую часть всего собранного исследователем материала. Фольклор широко используется также в качестве этнографического источника, и это наглядно демонстрируют исследования как самого собирателя, так и последующих этнографов-угроведов. Разные виды народной поэзии и другие образцы языка составляют в полевых материалах Каннисто приблизительно 60 печатных листов. Вместе с тем он проявлял большой интерес и к другим компонентам традиционной культуры вогулов / манси. В его отчете сообщается: «При систематической

лексикографической работе я получил одновременно подробные сведения о внешней и духовной жизни вогульского народа – занятиях, жилище, одежде, экономических и социальных отношениях, обычаях и обрядах, развлечениях и религиозных представлениях» [1. С. 157]. Он собрал также сведения о численности вогулов / манси в различных районах. Каннисто зафиксировал на фонографе около 150 мелодий, сделал более 200 фотографий, собрал около 650 этнографических предметов.

Отчет о своей пятилетней работе среди манси Каннисто предоставил Финно-угорскому обществу [2], его полевые материалы, очевидно, поступили в архив этого общества. Валики с записями мелодий находятся сейчас в аудиоархиве Исследовательского института языков Финляндии (Kotus). Этнографические предметы хранятся в Национальном музее Финляндии (колл. № 4518, 4810, 5278, 5464) и музее Хэма в Тампере (колл. № 103). Каннисто составил подробный указатель к приобретенным для музеев предметам: названия самих предметов и узоров на них, а также способов их изготовления [3. С. 10, 12].

В.Н. Чернецов начал полевые работы среди манси спустя 20 лет после путешествия Каннисто. Относительно его экспедиций не существует единой сводки, как это имеет место в случае с Каннисто. Краткий обзор экспедиционных поездок Чернецова можно составить по его опубликованным полевым дневникам, «реальным записям» и отчетам [4]. К сожалению, точные временные рамки экспедиций указаны не везде. Первая поездка Чернецова – на Лозьву состоялась летом 1925 г. [4. С. 13–29]¹. С конца августа 1926 г. по начало февраля 1927 г. он находился на Северной Сосьве [Там же. С. 29–49]. Еще одна поездка на эту же реку состоялась с конца июня по середину декабря 1931 г. [Там же. С. 134–160]. Обширную территорию, включающую бассейны Конды, Юконды, Тапа и Северной Сосьвы, Чернецов объехал с начала сентября 1933 г. по начало января 1934 г. [Там же. С. 160–197]. Очередная экспедиция на Северную Сосьву проходила с августа по конец ноября 1935 г. [Там же. С. 197–209]². Еще одна поездка на Северную Сосьву (в низовья реки) и прилегающий участок Оби состоялась в декабре 1936 – январе 1937 г. [Там же. С. 209–252]. Последняя экспедиция, материалы которой находятся в архиве Чернецова, проходила в бассейне Тагила и Ивделя в сентябре – ноябре 1938 г. [Там же. С. 252–271]. Кроме того, в июне 1948 г. Чернецов посетил селения Кондинск и Вежакары (на Оби), но об этом имеются лишь записи участницы поездки В.И. Мошинской, находящиеся в архиве исследователя [5]. Итак, Чернецов вел сбор этнографического материала среди манси в ходе восьми экспедиций и поездок, в целом это составляет около трех лет. После Каннисто это самые продолжительные полевые исследования манси.

Программа экспедиционной работы Чернецова была более разнообразна, чем у Каннисто. Кроме общих для них научных задач – записей по языку, фольклору, этнографии и сбора этнографических коллекций, Чернецов вел и практическую работу среди манси по линии разных ведомств. Так, он участ-

¹ В дневнике Чернецова сроки экспедиции не указаны.

² В оглавлении дневников Чернецов указал даты этой экспедиции «1935–1936», но в начале записей он излагает план работы только на август–ноябрь 1935 г. [4. С. 197]. Последняя запись датирована 28.11.1935.

вовал в Приполярной переписи населения 1926 г.; в дневнике 1933–1934 гг. есть запись о проведении инструкционного собрания со школьными учителями. Будучи для манси «своим среди своих», он нередко помогал им решать житейские вопросы. Отдельно нужно сказать о сборе Чернецовым материала по смежным наукам. С экспедиции 1927 г. началось его изучение тагильских наскальных изображений. В плане экспедиции 1935–1936 гг. первой указана задача «Археологическое исследование городищ и других древних вогульских поселений». Чернецов собрал коллекцию мансийских предметов, вел фото- и киносъемку; кроме того, сделал зарисовки по культуре манси.

Отчет об экспедиции Чернецова опубликовал только один: о Сосьве – Оби, 1937 г. [6]. Из этой же экспедиции он привез в Музей антропологии и этнографии предметы (колл. № 3233, 3367, 4086, 5531, 5533, 5745, 6546) и фотоколлекцию (№ И-786). Полевые записи, собственные зарисовки, множество фотографий, киноматериалы он хранил в домашнем архиве, активно используя их в своих публикациях и выступлениях. После кончины В.Н. Чернецова его вдова В.И. Мошинская передала все эти материалы в Музей археологии и этнографии Томского государственного университета, где они хранятся по сей день (см. [7]).

Публикации

А. Каннисто начал публиковать краткие сведения по этнографии вогулов / манси в отчетах, которые готовил непосредственно во время своего научного путешествия [8]. Его статья, посвященная драматическому искусству, представленному на медвежьем празднике манси, была опубликована в 1906–1908 гг. [9]. Ее русский перевод издан дважды: в 1911 г. [10] и в 1999 г. [11]. В 1927 г. вышло исследование Каннисто о прежних местах проживания вогулов по данным топонимики [12]. Статья о татуировке у обских угров увидела свет в 1933 г. [13], а ее русский перевод – в 1999 г. [14]. Принесение клятвы обскими уграми рассмотрено в публикации Каннисто 1936 г. [15].

В 1930-х гг. Каннисто участвовал в подготовке труда об орнаментированных вещах обских угров, основная часть которых была привезена им из путешествия в Сибирь. Труд завершила Т. Вахтер, он вышел в 1953 г. на финском и немецком языках: «Obinugrilaisten kansojen koristekuosit = Ornamentik der Ob-Ugrier» [16]. В 2019 г. опубликован русский перевод книги, выполненный О.М. Рындиной [3].

Первой значительной публикацией полевых материалов А. Каннисто стала книга «Wogulische und ostjakische Melodien» (1937), ее автор-составитель А.О. Вайсянен [17]. Здесь представлены 155 мансийских мелодий, записанных Каннисто на фонограф в 1905–1906 гг. В 1938 г. увидела свет статья Каннисто о «медвежьих церемониях» вогулов [18], изданная повторно в 1958 г. [19. С. 401–421]. Ее русский перевод вышел в 2007 г. [20] и повторно в 2016 г. [21. С. 11–31].

Самый большой вклад в изучение манси составляет свод фольклорных материалов Каннисто под общим названием «Wogulische Volksdichtung» [«Вогульская народная поэзия»], вышедший уже после кончины собирателя. В подготовку томов еще при жизни Каннисто был включен М. Лиимола, который впоследствии успешно довел дело до конца. В Предисловии к I тому Лиимола подчеркивает, что Каннисто очень далеко продвинулся в подготов-

ке собрания текстов. В технической обработке текстов участвовала и жена Каннисто – Ойва [1. С. 157–159]. Все тома свода «Wogulische Volksdichtung» изданы в Финляндии на мансийском языке с параллельным переводом на немецкий язык.

Том I, содержащий мифологические тексты, вышел в свет в 1951 г. [22]. В 2016 г. тексты тома, относящиеся к северным диалектам, были переложены на графическую систему литературного мансийского языка и переведены на русский язык Е.И. Ромбандеевой [23]. Том II, с военными и героическими песнями, увидел свет в 1955 г. [24]. Северомансийские тексты этого тома, подготовленные Е.И. Ромбандеевой в том же формате, что и названные выше, изданы в 2017 г. [25]¹. В том III вошли сказки, он опубликован в 1956 г. [26]. Том IV, включающий медвежьи песни, вышел в 1958 г. [19]. В 2016 г. издан немецко-русский перевод всех песен (на разных диалектах), с дополнением нотного материала, извлеченного из книги Ваясынена (см.: [17]); перевод и издание в целом подготовлены Н.В. Лукиной [21]. Том V, посвященный драматическим представлениям и призывным песням на медвежьем празднике, был опубликован в 1959 г. [27]. Его немецко-русский перевод, выполненный Н.В. Лукиной, вышел в 2016 г. [28]. Том VI, содержащий песни судьбы, детские стишки, загадки и др., увидел свет в 1963 г. [29]. Для части песен этого тома Т.Д. Слинкиной были выполнены транслитерация текстов с латиницы на кириллицу и мансийско-русский перевод, они изданы в 2013 г. [30]. Том VII, завершающий свод «Wogulische Volksdichtung», представляет собой список слов, содержащихся в предыдущих томах, он вышел в 1982 г. [31].

О значении фольклорных текстов А. Каннисто для освещения вопросов этнографии манси можно судить по вышедшей в 1958 г. книге «Materialien zur Mythologie der Wogulen» [32]. Каннисто сам сделал выборки для этой книги из своего материала, но опубликовать не успел [33. С. 146]. Его работу завершили Е.А. Виртанен и М. Лиимола. В книгу вошли полевые записи Каннисто по актуальным верованиям и мифологическим представлениям народа, широко иллюстрируемые отрывками из его же фольклорных текстов. Книга переведена на русский язык Н.В. Лукиной, но пока перевод не издан.

Этнографический аспект имеют публикации и других полевых материалов А. Каннисто. В 1963 г. его дочь Т. Каннисто издала дневниковые заметки и письма из экспедиций отца, где содержится разная информация о жизни и быте манси [34]. В 1969 г. были опубликованы материалы Каннисто по статистике вогулов в обработке Й. Невалайнен [35]. Сведения Каннисто об орнаментированных предметах материальной культуры манси вошли в книгу Т. Вахтер, изданную в 1953 г. [16]; описание занятий и орудий труда, средств передвижения, жилища, пищи, ухода за детьми и др., извлекли из полевых записей Каннисто и опубликовали в 2007 г. И. Лехтинен и Дж. Соурама [36].

В.Н. Чернецов свою первую этнографическую статью – о жертвоприношении у вогулов – подготовил на основе своих полевых материалов и издал еще студентом в 1927 г. [37]. Его записи мансийского фольклора увидели свет отдельным изданием в 1935 г. [38], а совместные с женой, И.Я. Чернецовой, сборы составили небольшую книжечку, вышедшую в 1936 г. [39]. На

¹ Вопреки принятым нормам, в выходных данных обоих изданий [23, 25] не указаны ни первоисточники [22, 24], ни их авторы – А. Каннисто, М. Лиимола.

следующий год были изданы статьи Чернецова о терминах средств передвижения [40] и о чуме вогулов / манси [41]. В 1939 г. опубликована его статья, посвященная фратриальному устройству обских угров [42].

В 1940–50-х гг. В.Н. Чернецов продолжает публикацию этнографических статей, однако на первый план у него выходят археологические исследования, при этом он постоянно обращается к этнографическому материалу. Первыми примерами такого сочетания является очерк Чернецова об этногенезе обских угров, увидевший свет в 1941 г. [43], и кандидатская диссертация об основных этапах истории Приобья, тезисы которой были опубликованы в 1946 г. [44]. Его статья об истории родового строя у обских угров издана в 1947 г. [45]. В этом же году вышла статья о проникновении восточного серебра в Приобье [46]. В 1948 г. опубликована статья об орнаменте ленточного типа [47]. Вопросы этногенеза обских угров, с привлечением этнографических сведений, рассматриваются в очерке Чернецова о древней истории Нижнего Приобья – части коллективного труда, вышедшего в 1953 г. [48]. В томе «Народы Сибири» (1956) он является одним из авторов раздела «Ханты и манси» [49]. К этнографии обских угров Чернецов обращается и в очерке о Нижнем Приобье I тыс. н.э. – издания 1957 г. [50]. В 1959 г. публикуется его статья, посвященная представлениям о душе у обских угров [51].

В 1960–70-х гг. самые значительные публикации В.Н. Чернецова посвящены наскальным изображениям (с использованием этнографических реалий) и медвежьему празднику. В 1964 г. выходит в свет его первая книга «Наскальные изображения Урала» [52]. В этом же году издана его статья об узорах, выдавленных зубами на бересте у манси [53], и сделан доклад на Международном конгрессе финно-угроведов о периодических медвежьих обрядах обских угров [54]. В 1970 г. (год кончины В.Н. Чернецова) опубликован автореферат его докторской диссертации [55]. На следующий год вышла вторая часть его «Наскальных изображений Урала» [56]. В 1974 г. в Будапеште издан немецкий перевод статьи Чернецова о медвежьем празднике у обских угров [57]. Однако, как пишет в примечании к публикации В.И. Мошинская, эта работа была подготовлена еще в 1950 г., и она лежала в домашнем архиве исследователя. В 2001 г. названная работа вышла отдельным изданием в русском переводе [58].

В 1987 г. этнографическая часть архива В.Н. Чернецова, хранящегося в Томском университете, увидела свет в виде книги «Источники по этнографии Западной Сибири», подготовленной к публикации Н.В. Лукиной и О.М. Рындиной [4]. В нее вошли полевые материалы исследователя, собранные у манси Лозьвы, Северной Сосьвы, Конды, Юконды, Тапа, Тагила, Ивделя и зафиксированные в двух формах – дневника и «реальных записей». О фольклорной части архива впоследствии писала Н.В. Лукина [59, 60 и др.].

В 2019 г. началась работа над проектом, в основу которого положено изучение архивных материалов В.Н. Чернецова с привлечением публикаций Каннисто (см. примеч. к названию статьи). По этнографическому направлению проекта опубликованы статья-каталог мансийских текстов, подготовленная Н.В. Лукиной, С.А. Поповой [61], русский перевод материалов Каннисто о вещном ряде при жертвоприношениях у вогул / манси [62] и статья О.М. Рындиной, Е.В. Барсукова об архиве В.Н. Чернецова как творческой лаборатории исследователя [63].

Материалы Каннисто и Чернецова создают широкие возможности для этнографов по дальнейшему изучению манси. Одним из направлений является исследование фольклорно-обрядового контекста вещного ряда мансийской культуры (входит в задачи проекта, в рамках которого подготовлена данная статья). Этот ряд практически необозрим, так как почти все предметы, даже бытовые, содержат в себе сакральную символику. Для примера сошлемся на сведения Каннисто об объектах, используемых при жертвоприношениях вогулов / манси. Этот ряд включает сооружения на священных местах, деревья-жертвенники, амбар; вместилища – кузова из бересты, сундук, мешок; приношения – одежду, сабли и стрелы, нож, пушнину, куски ткани, ленты и платки, низки бисера, кольца, монеты, колокольчик, водка и др. Отдельная категория – изображения животных и фигурки духов. Описания вещественного ряда сопровождаются соответствующими выдержками из мифов и преданий [62].

Далее рассмотрим фольклорно-обрядовый контекст одного, но значимого мансийского изделия – люльки. Речь пойдет о двух ее видах – для человеческого ребенка и для медведя. Для того и другого люлька служит первым после рождения мини-жилищем, а для медведя, кроме того, вместилищем после его добычи.

Люлька

В полевом дневнике Каннисто на Вагильске упоминаются «красивые, висящие на бечевках берестяные люльки» [64. С. 25–26]. В его записях содержится информация о двух видах люлек у северных манси. Ребенку на первую неделю еще в «маленьком доме» изготавливают в качестве колыбели берестяную коробку *sān*; она называется «нечистая берестяная коробка» и после использования выбрасывается или подвешивается на дерево. Через неделю ребенка моют и кладут в собственно колыбель, которую затем поднимают над огнем из бобровой струи [32. S. 26–27]. В этнографической коллекции Каннисто имеется восемь детских люлек и шесть их моделей для кукол с Сосьвы, они опубликованы Т. Вахтер (см.: [3. С. 330–332, 481–483]). Собирателем описано устройство берестяных люлек и приведено название нанесенных на них орнаментов, из которых для нас особый интерес представляет узор «птица сна». Каннисто зафиксировал на Сосьве сведения о том, что «мужчина имеет пять, а женщина – четыре птицы сна» [Там же. С. 118].

У Чернецова материалы по детской люльке манси отражены как в полевых записях, так и в исследованиях. Он анализирует разные аспекты фольклорно-обрядовой сущности этого объекта. Люлька апа используется при обряде угадывания человека, чья душа вселилась в новорожденного ребенка. «Женщина (шаманка или простая) поднимает апа с ребенком и потом называет имена недавно умерших. При произнесении имени того, чья душа в ребенке, она как бы прилипает, и ее невозможно поднять. Это имя и дается ребенку» [4. С. 152]. Чернецов также зафиксировал обычай вешать на дерево пришедшую в негодность люльку: «Если бросить куда попало, ребенок заболит или с ним случится что-либо худое» [Там же. С. 155]. Здесь отражено представление о неразрывности младенца с люлькой. Об этом же говорит и рассказ о следовании умершего ребенка к входу в загробный мир, к мысу

Хаманёл: «Дети, умершие в то время, когда еще лежат в колыбели, по пути в *Хаманёл* тащат колыбель (*ану*) с собой. Немного потащат, затем ложатся в *ану*, отдыхают, затем опять тащат ее за собой» [4. С. 155].

Мансийские берестяные люльки богато орнаментированы, в том числе стилизованными изображениями животных. Одно из них – фигура тетерки – выполняет охранительную функцию сна. Каннисто приводит название этого узора – «птица сна», Чернецов рассматривает сюжет о связи тетерки со сном в статье, посвященной представлениям обских угров о душе [51]. По его сведениям, изображения *üləm cǵ* ‘птицы сна’ на спинках колыбелей удерживают душу при ребенке, не давая ей возможности отлетать далеко; в то же время они способствуют хорошему сну и охраняют душу от опасностей. В статье приводится рассказ о «сонной душе» человека, имеющей вид тетери, которую он поймал в ловушку, после чего от него ушел сон, и он умер [Там же. С. 135].

В контексте современных исследований этнографии манси укажем на фольклорно-обрядовый аспект роли детской люльки в обрядах перехода, рассмотренных в монографии С.А. Поповой [65]. Она объясняет уничижительное название первой люльки – *люль сан* ‘плохой берестяной чуман’ – связью ребенка с иным миром, миром духов и предков, из которого он появился. Детали обустройства этой колыбели соответствуют обустройству гроба покойника, что содействует установлению контакта с миром предков. С отпадением пупка ребенка перекладывали в постоянную колыбель *ана* – атрибут нового социального статуса ребенка. Для ограждения ребенка от злых сверхъестественных сил на люльке рисовали охранительные узоры, внутрь клали березовые стружки, а около ребенка металлический предмет – ножницы. Ритуальными действиями сопровождался и перенос ребенка в колыбели из родильного домика в общий жилой дом. С этого момента новорожденный утверждался в мире людей. Колыбели отводилось определенное место: ее подвешивали в центре дома, так что лицо ребенка было обращено на восток. Упомянутое у Чернецова гадание на колыбели для определения того, чья душа вселилась в ребенка, аналогично гаданию в погребальном обряде о том, ушла ли душа. Описание перечисленных обрядов Попова сопровождает конкретными примерами и мансийской лексикой [65. С. 86–92].

Мифологический аспект «медвежьей» люльки наглядно демонстрируется в фольклорных произведениях, а также в актуальных верованиях и обрядах манси, зафиксированных Каннисто и Чернецовым. Они записали так называемые «медвежьи песни» и посвятили медвежьему празднику свои статьи. Люлька в этой системе мифов и обрядов фигурирует в разных видах (меховая, металлическая с цепью, древесная) и в разных функциях: для выращивания медведя, для спуска с неба медведя и охотника на него, для доставки добытого медведя в селение, для хранения и перемещения медведя-духа между селениями.

О меховой люльке для выращивания медведя в доме Небесного Отца говорится в одном из текстов Чернецова: «*Верхний Дух, отец мой / В люльке из меха черного зверя, / В богатом гнездышке / Вырастил меня*» [66. С. 301]. В этом же тексте говорится о золотой люльке, в которой медведя спускает на землю его отец *Торум*. «*Тут сажает он меня / В люльку златоверхую / С золотым обручем. / Заскрипел золотой блок / Спускаюсь я*» [Там же. С. 304]. В текстах Каннисто упоминается люлька для спуска, изготовленная «из чи-

стого серебра, с изгибом» либо из железа [21. С. 35, 48]. Еще один вариант песенного мифа повествует о возвращении на небе в люльку «с золотой дугой, ...серебряной дугой» и последующем спуске на землю в люльку «с железной дугой, ...в лодочке с железной поперечиной» сына *Нуми-Торума* – *Кёнсьяу* (он же *Полум-Ойка*). Он имеет антропоморфный облик и на земле охотится на медведя, при этом в момент гибели зверя сам превращается в него. Далее он поет: «*Люлька из коры с тремя планками была для меня сделана, /... В планоchnую люльку с тремя планками меня посадили*» [Там же. С. 97–101]. Здесь имеется в виду *йй āпа* ‘зверя [медведя] люлька’ – приспособление для переноски добытого медведя в виде рамы с прикрепленной дугой из гибкого дерева, концы которой соединены перекладинами. На раму укладывают медведя (точнее, голову со шкурой) в обрядовой позе, ставят на нарту и везут из леса в селение, где для него устраивается праздник.

В праздничном доме голову в люльку украшают, и это символическое изображение медведя под названием *имта* ‘чучело’ далее выступает в разных функциях. Одна из них – гадание, когда медведя в «люльке» поднимают и спрашивают, сколько вечеров должен продолжаться праздник [32. S. 350]. Такой способ гадания, но с другой целью, проводится и с люлькой ребенка. Если праздник устраивался не сразу после добычи медведя, то его голову в люльке хранили до нужного срока. В полевых записях Чернецова читаем: «Медвежий праздник в Ильпи-пауль. Убиты медведицы, третья была убита ранее и еще не играна. В доме Яркина у задней стены поставлены два стола, на них положены две шкуры и третья *имта* ‘чучело’. Шкуры положены на *ана*» [4. С. 216].

В последний день промыслово-спорадического праздника люльку с головой медведя выносят из дома, голову варят, а люльку вешают на дерево. Известны и другие варианты ее послепраздничной судьбы. Один из них связан с надеждой на следующую добычу медведя. По описанию Чернецова: «В доме над *мули пал* устроена полка *норма* из прибитых к стене корней и положенных на них трех досок. На эти доски положены круглые палочки, которые образуют четырехугольник. Эти палочки называются *ана* ‘колыбель’. На них положена сложенная шкура медведя. <...> На вопрос: зачем – вогул объяснил, что эта голова лежит, и еще медведи придут» [Там же. С. 38].

Кроме того, медвежья люлька выступает в качестве атрибута в представлениях и обрядах более широкого плана. После окончания периодических обрядов люльку не вешали на дерево (как в случае спорадического праздника), а она продолжала служить вместилищем для головы со шкурой медведя (*имта*) и хранилась в главном священном доме – вплоть до следующего празднования. По устному сообщению С.А. Поповой, современного исследователя медвежьей обрядности манси, *имта* символизировала не только реального медведя, но и духов-предков в облике медведя, а именно, сыновей *Полум Тёрум*’а. Согласно традиции, их периодически возили в гости к отцу. Люльку с головой (*имта*), лежащей на белой шкуре, ставили на отдельные нарты, где она находилась во время поездки и «встречи» с почитателями.

Таким образом, выявляются утилитарные, магические и сакральные функции люльки. В утилитарном плане и детская, и «медвежья» люльки служили для помещения в нее ребенка или добытого медведя (головы со шкурой). Но даже такой утилитарный момент, как наполнение детской люльки,

отражает его сакральные функции, указывая на связь ребенка с миром духов. Магическую функцию исполняют изображения на детской люльке, охраняющие сон, защищающие от злых духов и от ухода души (смерти). Сакральность «медвежьей люльки» проявляется уже в момент ее изготовления: эту функцию выполняет Небесный Бог. Использование люльки для спуска медведя с неба на землю связывает эти две сферы, а погребальная символика в обустройстве обоих видов люльки и в относящихся к ней обрядах отсылает к нижнему миру. Эти моменты можно отнести к космологической картине мира манси. В среднем мире, в земной жизни человека, люлька является сакральным элементом обрядности, связанной с переходом ребенка из мира духов (на стадии младенчества) в сообщество людей, и таким образом символизирует отрезки его жизненного пути. Лишение медведя люльки (выбрасывание его на землю в конце медвежьего праздника) означает десакрализацию животного, однако люлька эту функцию не утрачивает – ее сохраняют на дереве наряду с другими священными предметами. Оставление в люльке головы со шкурой медведя (*имта*), напротив, демонстрирует придание ей сакральной функции в роли духа – семейного, поселкового, фратриального.

В завершение статьи отметим, что труды А. Каннисто и В.Н. Чернецова важны не только для науки, но и для практической деятельности мансийской интеллигенции по возрождению традиционных обрядов в современных условиях. Прежде всего, это относится к медвежьему празднику – яркому воплощению мифологических представлений и ритуальной практики обских угров. О роли научных источников в сохранении и возрождении праздника пишет участница этого процесса С.А. Попова. Имеющиеся публикации дали возможность восстановления некоторых утраченных песен и сценок, а также обучения молодежи, не получившей традиционных знаний своих предков. Поскольку современное молодое поколение манси, в основном, не владеет родным языком, для ознакомления его с песнями и сценками праздника были использованы русские переводы текстов Каннисто, относящихся к медвежьей обрядности. Попова отмечает также важную роль записанных им мелодий, опубликованных в виде нот вместе с русской версией текстов, а также звучащих вживую с диска, подаренного дирекцией института Kotus Финляндии [67].

Выводы

А. Каннисто и В.Н. Чернецов провели самые продолжительные полевые исследования в истории изучения манси / вогулов с кратким посещением хантов / остяков. В исследованиях этнографического плана они частично привлекали материалы и по хантам, т.е. рассматривали обских угров в целом. Основное внимание в их трудах уделялось духовной культуре – фольклору, верованиям и обрядам, а также происхождению этноса. В решении последней проблемы Каннисто опирался на данные лингвистики, а Чернецов – на материалы археологии и наскальных изображений. Этнографическая тематика работ Чернецова выглядит более разнообразной, чем у Каннисто, главным образом, за счет исследований социальной организации.

Опубликованные фольклорные и этнографические материалы Каннисто и Чернецова раскрывают возможности для анализа того или иного аспекта мансийской культуры в фольклорно-обрядовом контексте. Автором статьи

такая возможность показана на анализе одного из важных объектов вещного мира манси – люльки, ее утилитарных, магических и сакральных функций. Это позволило определить место конкретного предмета как одного из ключевых образов в базовой символике вещного мира и основополагающих образов в этнической картине мира манси.

Труды А. Каннисто и В.Н. Чернецова, наряду с большой научной значимостью, важны также в практическом плане – для ревитализации традиционных обрядов манси в современных условиях.

Источники и литература

1. Лишмола М. Экспедиции Артура Каннисто к вогулам (манси) в 1901–1906 годах / пер. с нем. Н.В. Лукиной // Вестн. угроведения. Ханты-Мансийск. 2015. № 4 (23). С. 148–161.
2. Kannisto A. Matkakertomus vogulimailta // Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja. Helsinki, 1908. Vol. XXV. 5.
3. [Вахтер Т.] Орнамента обских угров. Материал собран А. Алквистом, У.Т. Сирелиусом, А. Каннисто. Обработан и издан Т. Вахтер / пер. с нем. О.М. Рындиной; подг. к публикации и отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019. 504 с.
4. Источники по этнографии Западной Сибири / сост. Н.В. Лукина, О.М. Рындина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 293 с.
5. Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Ф. 869. Д. «О кинофильме «Медвежий праздник». Б/н.
6. Чернецов В.Н. Отчет об этнографической экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР в Остяко-Вогульский национальный округ (1937) // СЭ. 1937. № 4. С. 209–211.
7. Лукина Н.В., Рындина О.М. Этнографический архив В.Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого) // Советская этнография. 1985. № 5. С. 70–74.
8. Kannisto A. Matkakertomus vogulimailta [Отчет о путешествиях из страны вогулов] // Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja. Helsinki, 1903. Vol. XXI, 6. S. 7–9; 1904. Vol. XXII, 3. S. 1–2; 1907. Vol. XXIV, 3. S. 1–3; 1907. Vol. XXIV, 4. S. 1–4; 1908. Vol. XXV, 5. S. 1–8.
9. Kannisto A. Über die wogulische Schauspielkunst // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1906–1908. Vol. VI. S. 213–237.
10. Каннисто А. О драматическом искусстве у вогул / пер. с нем. О.В. Циммерман // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. IV. С. 1–20. (Отд. оттиск).
11. Каннисто А. О драматическом искусстве вогулов / пер. с нем. Н.В. Лукиной // Каннисто А. Статьи по искусству обских угров. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 3–25.
12. Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Vogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1927. Vol. 18. S. 57–89.
13. Kannisto A. Über die Tatuierung bei den Ob-ugrischen Völkern // Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Helsinki, 1933. Vol. LXVII. S. 159–185.
14. Каннисто А. О татуировке обско-угорских народов / пер. с нем. Н.В. Лукиной // Каннисто А. Статьи по искусству обских угров. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 26–50.
15. Kannisto A. Über den Eidschwur bei den ob-ugrischen Völkern // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1936. L. 139–150. (Отд. оттиск).
16. [Vahter T.] Obinugrilaisten kansojen koristekuosit = Ornamentik der Ob-Ugrier. Material gesammelt von August Ahlqvist, U.T. Sirelius, Artturi Kannisto u.a. Bearbeitet und herausgegeben von Tyuvi Vahter. Helsinki, 1953. 216 S. + 200 Taf.
17. [Kannisto – Karjalainen – Väisänen]. Wogulische und ostjakische Melodien: phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K.F. Karjalainen, herausgegeben von Väisänen (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 73). Helsinki, 1937. LXI + 377 S.
18. Kannisto A. Über die Bärenzeremonien der Wogulen // Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Tartu, 1938. XXX. S. 216–233.
19. [Kannisto – Liimola]. Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Band IV. Bärenlieder (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 114). Helsinki, 1958. 552 S.
20. Каннисто А. О медвежьих обрядах вогулов / пер. с нем. Н.В. Лукиной // Поэтика жанров фольклора народов Сибири: Миф. Эпос. Ритуал. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2007. С. 74–87.

21. *Мансийские песни о Медведе* в записи Артура Каннисто / сост. и пер. с нем. Н.В. Лукиной; консультант по мансийской лексике С.А. Попова. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 328 с.
22. [*Kannisto – Liimola*]. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von M. Liimola. Band I. Texte mythischen Inhalts (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 101). Helsinki, 1951. XLII + 483 S.
23. *Мансийская* (вогульская) народная поэзия: тексты мифологического содержания, молитвы / сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз. Е.И. Ромбандеевой. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. 152 с.
24. [*Kannisto – Liimola*]. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von M. Liimola. Band II. Kriegs- und Heldensagen (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 109). Helsinki, 1955. IV + 831 S.
25. *Мансийская* (вогульская) народная поэзия: военные и героические сказания / сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз. Е.И. Ромбандеевой. Тюмень : Формат, 2017. 250 с.
26. [*Kannisto – Liimola*]. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von M. Liimola. Band III. Märchen (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 111). Helsinki, 1956. 262 S.
27. [*Kannisto – Liimola*]. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von M. Liimola. Band V. Aufführungen beim Bärenfest (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 116). Helsinki, 1959. 363 S.
28. *Каннисто А., Лиимола М.* Драматические представления на медвежьем празднике манси / пер. с нем. яз. и публ. Н.В. Лукиной. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. 242 с.
29. [*Kannisto – Liimola*]. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Band VI. Schicksalslieder, Kinderreime, Rätsel, Verschiedenes (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 134). Helsinki, 1963. 335 S.
30. *Мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни»)* (В записи Артура Каннисто 1901–1906 гг. / автор-сост. Т.Д. Слинкина. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 110 с.
31. [*Kannisto – Liimola – Eiras*]. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet von M. Liimola, V. Eiras. Herausgegeben von V. Eiras. Band VII. Wörterverzeichnis zu den Bänden I–VI (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 180). Helsinki, 1982.
32. [*Kannisto – Virtanen – Liimola*]. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Gesammelt von Artturi Kannisto; bearbeitet und herausgegeben von E.A. Virtanen und M. Liimola (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia. Vol. 113). Helsinki, 1958. 443 S.
33. *Eiras V.* Artturi Kanniston vogulilaisaineistot, niiden käyttö ja merkitys vogulilaisen [Материалы Артура Каннисто по вогулам, их использование и значение] // *Kentäretkistä tutkimustiedoksi. Uralica Helsingiensia*. Helsinki, 2010. Vol. 4. S. 139–151.
34. *Kannisto T.* Artturi Kanniston tutkimusmatkat Siperiassa vuosina 1901–1906. Päiväkirjamuistiinpanoja ja kirjoituksia. [Научные поездки Артура Каннисто в Сибирь в 1901–1906 годах. Дневниковые заметки и письма] // *Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja*. Helsinki, 1963. Vol. 64. L. 1–161.
35. [*Kannisto – Nevalainen*]. Statistik über die Wogulen. Gesammelt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Jorma Nevalainen // *Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja*. Helsinki, 1969. Vol. 70/4. S. 1–95.
36. *Lehtinen I., Souraman Je.* Vogulien (mansien) kansankulttuuri. Artturi Kanniston kansatieteellisiä muistiinpanoja 1901–1906 [Народная культура вогулов (манси). Составлено по записям Артура Каннисто 1901–1906 гг.] (Suomalais-Ugrilaisen Seuran kansatieteellisiä julkaisuja. 2007. Vol. 17). Helsinki, 2007. 172 L.
37. *Чернецов В.* Жертвоприношение у вогул // *Этнограф-исследователь*. Л., 1927. № 1.
38. *Чернецов В.* Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л. : Гослитиздат, 1935. 143 с.
39. *Про мышонка.* Сказки и песни народа манси (вогулов) / собр.: И.Я. Чернецова, В.Н. Чернецов. Л. : Изд-во детской литературы, 1936. 20 с.
40. *Чернецов В.Н.* Термины средств передвижения у вогулов // *Сборник памяти В.Г. Богораз*. Л., 1937. С. 349–365.
41. *Чернецов В.Н.* Чум // *СЭ – Советская этнография*. 1936. № 6. С. 85–93.
42. *Чернецов В.Н.* Фратриальное устройство обско-югорского общества // *Советская этнография*. 1939. № 2. С. 20–42.

43. Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских угров // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1941. Вып. IX. С. 18–28.
44. Чернецов В.Н. Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н.э. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII. С. 153–156.
45. Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 159–183.
46. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 1. С. 114–134.
47. Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // Советская этнография. 1948. № 1. С. 139–152.
48. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35. С. 7–71.
49. Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1114 с.
50. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. Обзор и классификация материала // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1957. № 58. С. 136–245.
51. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований: Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1959. Т. 51. С. 114–156.
52. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 1 // Свод археологических источников. М.: Наука, 1964. Вып. В4-12. 52 с.
53. Чернецов В.Н. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // СЭ – Советская этнография. 1964. № 3. С. 53–63.
54. Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki, 1965. Pars 1. S. 102–111.
55. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. 62 с.
56. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 2 // Свод археологических источников. М.: Наука, 1971. Вып. В4-12 (2). 120 с.
57. Tschernjetzow V.N. Bärenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1974. T. 23 (2-4). S. 285–319.
58. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров / пер. с нем и публ. Н.В. Лукиной. Томск, 2001. 49 с.
59. Лукина Н.В. Записи обско-угорского фольклора в архивах томских университетов // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2008. № 3 (4). С. 91–95.
60. Лукина Н.В. Мансийские фольклорные тексты в архивном фонде В.Н. Чернецова // Вестн. угроведения. 2017. № 2 (29). С. 101–113.
61. Лукина Н.В., Попова С.А. Каталог мансийских текстов В.Н. Чернецова (по аннотациям Е. Шмидт) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 327–340.
62. Каннисто А. Сооружения и вещи при жертвоприношениях вогулов / манси / пер. с нем. Н.В. Лукиной // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 312–322.
63. Рындина О.М., Барсуков Е.В. Архив В.Н. Чернецова как творческая лаборатория исследователя (1920-е гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 228–238.
64. Liimola M., Kulmala V. Artturi Kannisto und sein Lebenswerk // Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja. Helsinki, 1974. Vol. 73. S. 23–35.
65. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
66. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и прим. Н.В. Лукиной. М.: Наука, 1990. 568 с.
67. Попова С.А. Восстановление структуры медвежьего праздника северной группы манси // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 269–278.

Nadeshda V. Lukina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lunv@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 38, pp. 238–254.

DOI: 10.17223/2220836/38/22

CONTRIBUTION OF A. KANNISTO AND V.N. CHERNETSOV TO MANSI ETHNOGRAPHY

Keywords: mansi; Kannisto; Chernetsov; expeditions; publications.

The objective of the research are description and analysis of the activities of the Finnish scientist A. Kannisto and the Russian scientist V.N. Chernetsov in studying the language and culture of one of the peoples of the North – the Mansi (Voguls). The sources are the works of the scientists, articles by different authors in Russian and German languages, as well as materials from the archive of Chernetsov.

The first section of the article summarizes the biographies of the scientists and the main stages of their scientific ways. The second section gives information about their field work among the Mansi people. Kannisto had a five-year expedition trip (1901–1906), Chernetsov had 8 expeditions (1925–1948). Both scientists collected their materials in basins of the rivers Lozva, Konda, Severnaya Sosva. Also Kannisto collected his materials in basins of the rivers Pelym, Vagilsk, Tavda, and Chernetsov in Yukonda, Tap, Tagil and Idel. Further, the article gives a general description of the works of both researchers devoted directly to the traditional culture of the Mansi or the works containing ethnographic information about the people. The most significant of them are the six-volume collection of folk poetry of the Voguls (Kannisto), Vogul fairytales and articles about the social organization of the Mansi and their representations about the soul (Chernetsov), the articles about the Bear's Holiday and the origin of the Mansi (Kannisto, Chernetsov).

The last section of our work reveals the possibilities of using the materials of Kannisto and Chernetsov for the analysis of a particular aspect of Mansi culture in the folklore and ritual context. For an example, we chose such an important object in the Mansi culture as a cradle. We consider the device and functions of its two types – children's and bear's. The utilitarian function is the purpose of a cradle as a mini home for a child and a receptacle for a killed bear in the bear rite. The magic function is realized thanks to an image of a “bird of dream” (the female black grouse) on a back of a child's cradle. The sacral function is the most versatile, and it can be considered in the aspect of the connection between the upper, middle, and lower levels of the world. A baby cradle “participates” in rites associated with the birth of children and changes in their social status. Arrangement of a baby cradle also demonstrates elements of the funeral rite. A bear cradle in Mansi mythology originates from the heaven, and its earth version participates in many real actions of the “bear” rite – kill of an animal, the Bear's Holiday and the post-holiday fate.

Conclusions. Kannisto and Chernetsov had conducted the longest field work among the Mansi/Voguls. The main focus of their ethnographic research was on folklore, beliefs and rituals, as well as the origin of the Mansi and the Ob Ugriic peoples in general. Solving the latter problem, Kannisto relied on linguistic data, while Chernetsov relied on materials of archaeology and petroglyphic drawings. Subject Chernetsov's works is more diverse, his contribution to the study of social organization is particularly significant. Kannisto and Chernetsov's materials provide an opportunity to solve new problems in the study of traditional Mansi culture. An example of this is the author's appeal to the folklore and ritual aspect of a cradle as one of the significant images of things of Mansi culture. Russian translations of Kannisto's folklore texts and recorded by him melodies made it possible to restore lost songs and scenes of the Bear's Holiday, thus contributing to the revitalization of the traditional Mansi rites.

References

1. Liimola, M. (2015) The expeditions of Artur Kannisto to Vogul (Mansi) in 1901–1906. (Translated from German by N.V. Lukina). *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugriic Studies*. 4(23). pp. 148–161. (In Russian).
2. Kannisto, A. (1908) Matkakertomus vogulimailta. *Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja*. 25(5).
3. [Vakhter, T.] (2019) *Ornamentika obskikh ugrov* [Ornamentation of Ob Ugriians]. Translated from German by O.M. Ryndina. Tomsk: Tomsk State University.
4. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1987) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
5. The Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University. F. 869. D. “O kinofil'me ‘Medvezhiy prazdnik’” [On the movie “Bear Holiday”].
6. Chernetsov, V.N. (1937) Otchet ob etnograficheskoy ekspeditsii Instituta antropologii, arkheologii i etnografii Akademii nauk SSSR v Ostyako-Vogul'skiy natsional'nyy okrug (1937) [Report on the ethnographic expedition of the Institute of Anthropology, Archeology and Ethnography of the

USSR Academy of Sciences in the Ostyako-Vogul National District (1937)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 209–211.

7. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1985) Etnograficheskiy arkhiv V.N. Chernetsova (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [V.N. Chernetsov's ethnographic archive (To the 80th birthday of the scientist)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 70–74.

8. Kannisto, A. (1903) Matkakertomus vogulimailta. *Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja*. 21(6). pp. 7–9.

9. Kannisto, A. (1906–1908) Über die wogulische Schauspielkunst. *Finnisch-ugrische Forschungen*. VI. pp. 213–237.

10. Kannisto, A. (1911) O dramatischeskom iskusstve u vogul [On the dramatic art of the Vogul]. Translated from German by O.V. Zimmerman. *Materialy po izucheniyu Permskogo kraya*. 6. pp. 1–20.

11. Kannisto, A. (1999a) *Stat'i po iskusstvu obskikh ugrov* [Articles on Ob Ugrian art]. Translated from German by N. Lukina. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–25.

12. Kannisto, A. (1927) Über die früheren Wohngebiete der Vogulen im Lichte der Ortsnamenforschung. *Finnisch-ugrische Forschungen*. 18. pp. 57–89.

13. Kannisto, A. (1933) Über die Tatuierung bei den Ob-ugrischen Völkern. *Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia*. LXVII. pp. 159–185.

14. Kannisto, A. (1999b) *Stat'i po iskusstvu obskikh ugrov* [Articles on Ob Ugrian art]. Translated from German by N. Lukina. Tomsk: Tomsk State University. pp. 26–50.

15. Kannisto, A. (1936) Über den Eidschwur bei den ob-ugrischen Völkern. In: Maticsák, S. (ed.) *Nyelvtudományi Közlemények*. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet. pp. 139–150.

16. [Vahter, T.] (1953) *Obinugrilaisten kansojen koristekuosit*. Helsinki: [s.n.].

17. Kannisto, A. & Karjalainen, K.F. Wogulische und ostjakische Melodien: phonographisch aufgenommen. *Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia*. 73.

18. Kannisto, A. (1938) Über die Bärenzeremonien der Wogulen. *Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 30. pp. 216–233.

19. Kannisto, A. & Liimola, M. (1958) *Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 4. Helsinki: [s.n.].

20. Kannisto, A. (2007) O medvezh'ikh obryadakh vogulov [On the bear rites of the Voguls]. Translated from German by N.V. Lukina. In: Bayzhanova, N.R. (ed.) *Poetika zhan-rov fol'klora narodov Sibiri: Mif. Epos. Ritual* [Poetics of Siberian folklore genres: Myth. Epos. Ritual]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 74–87.

21. Lukina, N.V. (2016) *Mansiyskie pesni o Medvede v zapisi Artura Kannisto* [Mansi songs about the Bear recorded by Arthur Kannisto]. Translated by N.V. Lukina. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University.

22. Kannisto, A. & Liimola, M. (1951) *Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 1. Helsinki: [s.n.].

23. Rombandeeva, E.I. (2016) *Mansiyskaya (vogul'skaya) narodnaya poeziya: teksty mifologicheskogo soderzhaniya, molitvy* [Mansi (Vogul) folk poetry: texts of mythological content, prayers]. Translated from Mansi by E.I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: OOO Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk.

24. Kannisto, A. & Liimola, M. (1955) *Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 2. Helsinki: [s.n.].

25. Rombandeeva, E.I. (2017) *Mansiyskaya (vogul'skaya) narodnaya poeziya: voennye i geroidicheskie skazaniya* [Mansi (Vogul) folk poetry: military and heroic legends]. Translated from Mansi by E.I. Rombandeeva. Tyumen: Format.

26. Kannisto, A. & Liimola, M. (1956) *Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 3. Helsinki: [s.n.].

27. Kannisto, A. & Liimola, M. (1959) *Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 5. Helsinki: [s.n.].

28. Kannisto, A. & Liimola, M. (2016) *Dramaticheskie predstavleniya na medvezh'em prazdnike mansi* [Dramatic performances at the Mansi bear festival]. Translated from German by N.V. Lukina. Khanty-Mansiysk: OOO Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk.

29. Kannisto, A. & Liimola, M. (1963) *Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

30. Slinkina, T.D. (2013) *Mansiyskie "Pesni o sud'be" ("Lichnye pesni") (V zapisi Artura Kannisto 1901–1906 gg.* [Mansi "Songs of Fate" ("Personal Songs") (Recorded by Arthur Kannisto in 1901–1906)]. Khanty-Mansiysk: OOO Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk.

31. Kannisto, A., Liimola, M. & Eiras, V. (1982) *Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

32. Kannisto, A., Liimola, M. & Virtanen, E.A. (1958) *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
33. Eiras, V. (2010) Artturi Kanniston vogulilaisaineistot, niiden käyttö ja merkitys vogulilaisen. *Kenttätietokista tutkimustiedoksi*. 4. pp. 139–151.
34. Kannisto, T. (1963) Artturi Kanniston tutkimusmatkat Siperiassa vuosina 1901–1906. Päiväkirjamuistiinpanoja ja kirjeitä. *Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja*. Helsinki. 64. pp. 1–161.
35. Kannisto, A. & Nevalainen, J. (1969) Statistik über die Wogulen. *Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja*. 70/4. pp. 1–95.
36. Lehtinen, I. & Souraman, Je. (2007) Vogulien (mansien) kansankulttuuri. Artturi Kanniston kansatieteellisiä muistiinpanoja 1901–1906. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran kansatieteellisiä julkaisuja*. 17.
37. Chernetsov, V. (1927) Zhertvoprinoshenie u vogul [Sacrifice at Vogul]. *Etnograf-Issledovatel'*. 1.
38. Chernetsov, V. (1935) *Vogul'skie skazki. Sbornik fol'klora naroda Mansi (vogulov)* [Vogulskie tales. Collection of Mansi (Vogul) folklore]. Leningrad: Goslitizdat.
39. Anon. (1936) *Pro myshonka. Skazki i pesni naroda mansi (vogulov)* [About the little mouse. Tales and songs of the Mansi people (Voguls)]. Leningrad: Izd-vo detskoy literatury.
40. Chernetsov, V.N. (1937) Termini sredstv peredvizheniya u vogulov [Vogul terms of vehicles]. In: *Sbornik pamyati B.G. Bogoraza* [Collection in the memory of B.G. Bogoraz]. Leningrad: USSR AS. pp. 349–365.
41. Chernetsov, V.N. (1936) Chum [Chum]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 85–93.
42. Chernetsov, V.N. (1939) Fraternal'noe ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva [The Fraternal Structure of the Ob-Ugra Society]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 20–42.
43. Chernetsov, V.N. (1941) Ocherk etnogeneza obskikh ugrov [Essay on the ethnogenesis of the Ob Ugrians]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 9. pp. 18–28.
44. Chernetsov, V.N. (1946) Osnovnye etapy istorii Priob'ya s drevneyshikh vremen do X v. n.e. [The main stages of the Priobye history from ancient times to the 10th century AD]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 13. pp. 153–156.
45. Chernetsov, V.N. (1947a) K istorii rodovogo stroya u obskikh ugrov [On the history of the tribal system of the Ob Ugrians]. *Sovetskaya etnografiya*. 6–7. pp. 159–183.
46. Chernetsov, V.N. (1947) K voprosu o proniknovenii vostochnogo serebra v Priob'e [On the issue of penetration of eastern silver in Priobye]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*. 1. pp. 114–134.
47. Chernetsov, V.N. (1948) Ornament lentochnogo tipa u obskikh ugrov [Ribbon type ornaments in the Ob Ugrians]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 139–152.
48. Chernetsov, V.N. (1953) Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [The ancient history of the Lower Ob]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 35. pp. 7–71.
49. Levin, M.G. & Potapov, L.P. (eds) *Narody Sibiri* [The peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
50. Chernetsov, V.N. (1957) Nizhnee Priob'e v I tys. n.e. Obzor i klassifikatsiya materiala [Lower Ob region in the 1st millennium AD. Overview and classification of material]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 58. pp. 136–245.
51. Chernetsov, V.N. (1959) Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovaniy [Studies and materials on the issues of primitive religious beliefs]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriya*. 51. pp. 114–156.
52. Chernetsov, V.N. (1964) *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock arts of the Urals]. Moscow: [s.n.]
53. Chernetsov, V.N. (1964) Ischeznuvshee iskusstvo (uzory, vydavlennye zubami na bereste u Mansi) [The disappeared art (patterns squeezed out by teeth on birch bark at Mansi)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 53–63.
54. Chernetsov, V.N. (1965) Periodicheskie obryady i tseremonii u obskikh ugrov, svyazannye s medvedem [Periodic rites and ceremonies at the Ob Ugrians associated with the bear]. *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 1. pp. 102–111.
55. Chernetsov, V.N. (1970) *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock arts of the Urals]. Abstract of History Dr, Diss. Moscow.
56. Chernetsov, V.N. (1971) *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock arts of the Urals]. Moscow: [s.n.]
57. Tschernjetzow, V.N. (1974) Bärenfest bei den Ob-Ugriern. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 23 (2-4). pp. 285–319.
58. Chernetsov, V.N. (2001) *Medvezhiy prazdnik u obskikh ugrov* [Bear holiday at the Ob Ugrians]. Translated from German by N.V. Lukina. Tomsk: Tomsk State University.

59. Lukina, N.V. (2008) Zapisi obsko-ugorskogo fol'klora v arkhivakh tomskikh universitetov [Records of Ob-Ugric folklore in the archives of Tomsk universities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(4). pp. 91–95.
60. Lukina, N.V. (2017) Mansi folklore texts in the archive fund of V.N. Chernetsov. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 2(29). pp. 101–113. (In Russian).
61. Lukina, N.V. & Popova, S.A. (2019) Catalogue of the folklore texts by V.N. Chernetsov (by E. Schmidt's annotations). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 35. pp. 327–340. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/35/31
62. Kannisto, A. (2019) Facilities and things in the sacrifices of the Voguls / Mansi (Translated from the German by N.V. Lukina). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 36. pp. 312–322. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/36/38
63. Ryndina, O.M. & Barsukov, E.V. (2020) Archive of V.N. Chernetsov as a creative laboratory of a researcher (1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 37. pp. 228–238. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/37/24
64. Liimola, M. & Kulmala, V. (1974) Artturi Kannisto und sein Lebenswerk. *Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja*. 73. pp. 23–35.
65. Popova, S.A. (2003) *Obryady perekhoda v traditsionnoy kul'ture mansi* [Rites of passage in the traditional Mansi culture]. Tomsk: Tomsk State University.
66. Lukina, N.V. (ed.) (1990) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, traditions, tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka.
67. Popova, S.A. (2018) Vosstanovlenie struktury medvezh'ego prazdnika severnoy gruppy mansi [The restored structure of the bear festival in the northern Mansi group]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Sibirskie ugry v ozherel'e subarkticheskikh kul'tur: obshchee i nepovtorimoe* [Siberian Ugrians in the necklace of subarctic cultures: common and unique]. Khanty-Mansiysk; Tomsk: Tomsk State University. pp. 269–278.